

www.lgz.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 38 (5804)

20–26 сентября 2000 г

Газета основана в 1830 году
при участии А. С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году

Выходит по средам

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

6 сентября, когда открылась наша главная книжная ярмарка, на стенде издательства «Согласие» еще не было этой громогласной, 900-страничной книги. Для пущего эффекта она должна была появиться только на следующий день. Ведь посвящена книга Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому, называется «Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами», а сам он, как по заказу, родился сто лет назад и как раз 7 сентября. Правда, по старому стилю. И хотя эта дата стояла у него в паспорте, мы все-таки прибавим к ней 12 дней, чтобы не забыть ее астрономический эквивалент – 19 сентября.

Александр Солженицын, сокамерник Тимофеева-Ресовского по Бутырмам, написал в «Архипелаге»: «Он был из крупнейших генетиков современности. Он уже сидел в тюрьме, когда Жебрак, не зная о том (а может быть, и зная), имел смелость написать для канадского журнала: «Русская биология не отвечает за Лысенко, русская биология – это Тимофеев-Ресовский»...

В конце 60-х Солженицын приезжал к Тимофееву-Ресовскому в Обнинск. Вот они рядом на любительской фотографии – глаза в глаза.

Виктор Дмитриевич Дувакин, который на протяжении пяти лет, с 1974-го по 1978-й, упорно записывал на магнитофон те самые рассказы Николая Владимировича, на которых теперь держится книга, живо отозвался на упоминание о Солженицыне: как? был здесь? и что?

Хозяин одарил собеседника царственным жестом:

– Сидел, где вы. На этом же стуле. – И неожиданно заключил: – Да-а, человек проверенный...

Новая книга открывается предисловием Даниила Гранина, автора повести «Зубр» – одной из ключевых публикаций перестроечной поры. Спрашиваю Даниила Александровича, что сегодня, спустя годы, значит для него Тимофеев-Ресовский.

– Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский – ученый с мировым именем, – говорит Даниил Гранин. – Но его феномен состоит для меня сегодня не столько в научных достижениях, хотя ими пользуются поныне, сколько в человеческих качествах. А они были проверены в самых трагических обстоятельствах жизни. Главное, он был совершенно независимым человеком. Даже

Русская биология – это Тимофеев-Ресовский

К столетию Зубра поспела новая книга его и о нем

оказавшись в Германии в условиях гитлеровского режима, сумел сохранить независимость: продолжал заниматься своей наукой, никак не связав себя с тоталитарной системой. Но и попав в советский концлагерь, не изменил себе, оставаясь безупречно порядочным человеком. И после, выйдя из лагеря, поражал свободой суждений. То, к чему мы с горем пополам подошли только в последнее время, для него было естественным и в 60-е, и в 70-е годы. Удивительно, как он продолжал воплощать в себе еще до-революционную российскую ментальность. Опыт Тимофеева-Ресовского чрезвычайно поучителен. В любых передрягах человек способен оставаться самим собой, оставаться свободным внутренне, душевно и интеллектуально.

– Вы его вспоминаете сейчас?

– Я его часто вспоминаю. Приходится вспоминать. Сегодня, загнивающий

ные вольными сынами эфира, мы порой сами не замечаем, как наше сознание подспудно загружается пропагандой – то прокоммунистической, то проправительственной, то чисто демагогической. И по-прежнему трудно сохранять свой собственный, критический подход к жизни. Вот я и пытаюсь понять, как это удавалось Николаю Владимировичу. Конечно, его вел если не гений, то, во всяком случае, талант, он знал истину, которую добывал в своих научных изысканиях. Но был еще и заряд порядочности, и работа совести, и культурная насыщенность души. Он хорошо знал историю,

философию, музыку. Может быть, с них и следует нам начинать.

Повесть Даниила Гранина о Зубре расколола критический цех. Были восторженные отклики, но были и яростные нападки и на автора, и на его героя. Вслед за сталинскими карателями Тимофеева-Ресовского стали обвинять за то, что в 1937 году он отказался вернуться из Германии, куда был направлен на научную работу еще в середине 20-х годов.

– Не было ли у вас разговора об этой истории с Николаем Владимировичем? – спрашиваю еще одного автора юбилейной книги, многолетнего друга семьи Тимофеевых-Ресовских, директора Медико-генетического научного центра РАМН В. И. Иванова.

– Разговор был и с Николаем Владимировичем, и с Еленой Александровной – отвечает Владимир Ильич. – Уговорил Тимофеева отправиться в Берлин его учитель – Николай

А. И. Солженицын в гостях у Н. В. Тимофеева-Ресовского. Обнинск. Август 1968 г.

Константинович Кольцов. «Русские привыкли у немцев учиться, – сказал он, – а вы будете немцев учить». И тот же Кольцов отсоветовал возвращаться на родину в разгар репрессий. К тому же два брата Николая Владимировича были здесь арестованы и расстреляны. Жертвами произвола стали и родственники Елены Александровны. Возвращение было бы для Тимофеева самоубийством. Кстати, Прокуратура Российской Федерации в конце концов его реабилитировала.

– А наговоры, будто он ставил опыты на людях, участвовал в германском атомном проекте?

– Это придумывают те, кому нет дела до истины. Ведь есть же тимоевские публикации и в СССР, и в Германии, и в Англии, и в Соединенных Штатах, и в Италии, и в Швеции, и в Дании... Они доступны, в них – никакого намека на криминал. Поразительно, как много Тимофеев успел тогда сделать. И откуда бы у него взялись еще силы и время на скрытную параллельную работу? Кстати, по запросу нашей Военной прокуратуры Академия наук ГДР прислала подробную многостраничную справку о работе и контактах Тимофеева-Ресовского в Германии. Копия хранится у меня, и там, уверяю вас, нет ничего, в чем можно было бы его упрекнуть.

Составила нынешнюю книгу Наталья Ивановна Дубровина, редактор журнала «Человек», где еще в начале 90-х прошли обкатку воспоминания Тимофеева-Ресовского.

– В этой книге, – отмечает она, – kloкочет живой, шумный тимоевский голос. Он и в историях, рассказанных Николаем Владимировичем в конце жизни под магнитофон, и в письмах, писавшихся на протяжении полувека – от конца 20-х годов до конца 70-х. Здесь ответы на многие вопросы, которые до сих пор возникают, в том числе и о работе в Германии. Друзья Николая Владимировича называли его женой – Елену Александровну частью его самого. И у нас в книге она впервые присутствует не только в упоминаниях, а как полноправное действующее лицо. Истории, рассказанные Тимофеевым-Ресовским, дополнены историями, которые рассказывают о нем его исследователи и мемуаристы.

Прав Даниил Гранин: «Такое впечатление, что он не отдаляется, а приближается к нам».

В. РАДЗИШЕВСКИЙ